

An abstract painting featuring two figures. On the left, a figure with a pale, yellowish face and a pink garment is shown in profile, looking towards the right. On the right, a darker figure with a brown face and a red garment is shown in profile, looking towards the left. The background is a mix of green and blue tones. The style is expressive, with visible brushstrokes and a somewhat distorted perspective.

Александр
Тимофеевский

Книжка-подушка

Александр Тимофеевский

Книжка-подушка

«СЕАНС»

2017

Тимофеевский А. П.

Книжка-подушка / А. П. Тимофеевский — «СЕАНС», 2017

ISBN 978-5-905669-29-3

«Книжка-подушка» продолжает вышедший в начале 2017 года сборник «Весна Средневековья». В новой книге собраны заметки и дневники искусствоведа и публициста Александра Тимофеевского, написанные им за пять лет. Неформальные, разнородные записи охватывают весь спектр тем частной и общей жизни – российской повседневности, которая преобразуется под взглядом тонкого стилиста и мудрого наблюдателя. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-905669-29-3

© Тимофеевский А. П., 2017

© СЕАНС, 2017

Содержание

Благодарности	6
2012. Закон	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Тимофеевский

Книжка-подушка

© 2017, Александр Тимофеевский

© 2017, Мастерская «Сеанс»

Благодарности

Автор сердечно благодарит Авдотью Смирнову, Татьяну Толстую, Аркадия Ипполитова и Сергея Аба за неоценимую помощь в работе над книгой. Автор хочет выразить отдельную признательность Любви Аркус, придумавшей и воплотившей проект двухтомника.

2012. Закон

14 января

Costa Concordia затонула спустя сто лет после Titanic. И опять пресса дотошно перечисляет: «На Costa Concordia было 1500 кают, крупнейший в мире веллнесс-центр на море, четыре бассейна, пять спа-салонов, пять ресторанов, 13 баров, кинотеатр, дискотека и интернет-кафе». И опять: «Среди членов экипажа царил растерянность: инструкций по эвакуации не поступало, никто не спускал на воду спасательные лодки. В результате несколько людей предпочли спастись, прыгнув за борт. Когда же лодки стали спускать на воду, никто не следил за тем, сколько людей в них село».

«Вы видели фильм „Титаник“? Вот как раз так все и было, – рассказала американская туристка. – Повсюду слышался звон стекла, не было света. Никто не понимал, что происходит».

Раз в столетие приносится одна и та же жертва. Кому? Зачем? «Есть еще океан», – писал тогда Блок. И сейчас в тиши и покое кто-то уже облизывает запекшиеся губы.

6 февраля

Я и нынче не хожу на митинги, и в 1990 году на них не ходил. Подумал, в чем же отличие. Оно очевидно в том, что тогда было в разы больше уважения к чужой отдельности, что позволяло и мне, сидевшему дома, и им, жмушимся по площадям, вечером встречаться и пьяновесело обсуждать произошедшее за день. «Ну что, отморозили свою гражданскую жопу?» – спрашивал я их. И никто не испепелял меня в ответ очами. А сегодня я дежурно оправдываюсь: «Поверьте, я, так же как и вы, терпеть не могу В. В. Путина». И они облегченно вздыхают. Тьфу. Если б я тогда им сказал: «Поверьте, я, так же как и вы, терпеть не могу Лигачева, Крючкова, Нину Андрееву», на меня бы посмотрели, как на сумасшедшего.

11 февраля

Дашевский написал глубокий прекраснейший текст, точнее, надиктовал, согласно главному своему месседжу. Он в том, что романтическая поэзия – «мнемоническая, внутридушевная, интимно-сумеречная», двести лет безраздельно господствовавшая, подчиненная «я» и к «я» обращенная, – уступает место верлибру, который рвется на площадь, Болотную, разумеется, в публичное пространство, «голодное, холодное и освещенное»: отныне оно будет «создаваться... внутри человека и внутри стихов». Дашевский – умнейший человек и выдающийся поэт, он ничего не делает случайно, так и эта программная статья не написана, а продиктована, чтобы через эту опосредованность уйти от «внутриутробного убаюкивания размера», которое есть в любом сочиненном тексте – стихотворном, эссеистическом, неважно.

Прочитал Дашевского и понял, почему мне так неинтересна Болотная площадь, почему меня совсем туда не тянет. Ведь ничего, кроме романтической поэзии, мне не нужно, ничего, кроме «внутриутробного убаюкивания размера». «А столетняя чаровница / Вдруг очнулась и веселиться / Захотела. Я ни при чем. / Кружевной роняет платочек. / Томно жмурится из-за строчек / И брюлловским манит плечом». Это Ахматова про романтическую поэзию. Тогда она была еще столетней чаровницей. А вот великая картина Строщи «О бренности» или «Старая кокетка», написанная за двести лет до всякого романтизма, но та же «мнемоническая, внутридушевная, интимно-сумеречная» подчиненность «я». То же «внутриутробное убаюкивание

размера». И плечом она так же манит, разве нет? Только вот не жмурится, а честно, отчаянно глядит в зеркало.

26 февраля

«Мы возьмем город в кольцо».

Красивая идея. Для меня к тому же очень удобная. Я живу на Садовом кольце, как раз на внутренней стороне. Вышел из подъезда, взялся за руки, почему бы и нет? Одно меня смущает: в Садовое кольцо каждые двести метров врываются улицы – Тверская, Малая Дмитровка, Каретный ряд, Цветной бульвар, – на проезжей части стоять нельзя; нерушимое кольцо там порушится, метафора захромает. А на Кутузовском проспекте сквозь прерванное кольцо понесутся мигалки в Кремль. И во что тогда превратится метафора? Зима, стужа. Взявшись за руки, на одном месте застыли, коченея, люди. А мимо них – туда, сюда – рассекает власть, без всяких препятствий и с победоносным воем.

27 февраля

Ветхозаветная Москва негодует. Книжники и фарисеи требуют отмщения. На их зов спешат казаки. Отныне они будут охранять храмы от Pussy Riot, защищать православные святыни. Они едут в столицу, чтобы найти девок и притащить их в храм на суд верующих. Ну, и что сделают верующие? Побьют кощунниц камнями? Изорвут на них одежды и выставят голыми на мороз, как Зою Космодемьянскую? Или только побреют наголо – пост все-таки.

«И опять, наклонившись низко, писал на земле».

7 марта

ВЦИОМ провел опрос по женским умам родины. Недостигаемо умной женщиной признана Валентина Ивановна, которая вошла в историю как «Валька за стакан» и «Валька – красные трусы». В какой-то момент она прославилась высотой халы и густотой грима: тяжелые хлопающие ресницы на плотно отштукатуренной мордочке, торчащей из жабо. В последние годы с ней связались «сосули» – и как облюбванное ею слово, и как бич Божий, убивающий людей, который в Петербурге повсюду, на домах, отштукатуренных ею на славу, по собственному вкусу, как красит она себе лицо: жирно, разбеленно розово. Город – достоевский и бесноватый – погрузили в жабо.

Очевидно, что ум из опроса – эвфемизм власти, гармония имярека и должности (губернаторской, спикерской). Мужского ума не бывает без галстука, женского – без штукатурки. Отсюда огромный отрыв Матвиенко, она вся про штукатурку, про макияж власти. Имидж и роль, дело и образ, лицо и лик в сокрушительном единстве.

11 марта

Итак, губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко утвердил закон о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних, в котором однополая любовь приравнена к педофилии. Закон этот, разрабатывавшийся депутатами городского ЗакСа в прошлом году, был подписан еще 7 марта, однако общественности об этом доложили лишь спустя четыре дня: надо полагать, в канун 8 марта решили погодить и не обижать на праздник лесбиянок.

Главным следствием нового закона станет рост самоубийств и помешательств среди петербургских подростков, которые раньше могли пойти к психологу, а теперь он повесит на

дверь табличку: «Ушла на базу». Сказать: «У тебя болезнь, деточка», – не всякий специалист сможет, гомосексуализм ВОЗ давно исключила из списка болезней, а вслед за ней это сделал и Минздрав, к тому же вряд ли ребенок этим утешится, а сказать: «Все нормально, малыш, спи спокойно, ты такой же, как все, полноценный гражданин», – отныне запрещает г-н Полтавченко. То есть на ухо это сообщить, конечно, можно, как страшную скабрёзность: запрещены только публичные высказывания, «деятельность по целенаправленному и бесконтрольному распространению общедоступным способом информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию несовершеннолетних, в том числе сформировать у них искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений». Но нельзя требовать от людей подвига, даже от психологов, и понятно, что они предпочтут не транслировать «искаженные представления», – от греха подальше. Подростку, замученному комплексами, открывается светлый путь в петлю. Его запретили.

11 марта

Всеволод Чаплин так хочет показать свою жесткость, что даже слово «бьющих» пишет через ь. И Газета ру, благоговейно пятась перед разгневанным клириком, сохраняет орфографию оригинала. Мне кажется, о. Всеволоду пора пойти дальше и принять, наконец, иудаизм. Вся речь его дышит Богом Ветхого Завета, который про Закон. Бог Нового Завета, который про Благодать, только путается под ногами.

19 марта

Я тут побеседовал для Кольты с Максимом Семеляком и немного рассказал ему про Рыкову, очень для меня важную. Надежда Януарьевна Рыкова – замечательная переводчица, «Опасные связи» Шодерло де Лакло по-русски – ее гениальная работа, но она переводила и Шекспира, и Клейста, и Макиавелли, и Ронсара, и Кокто, и Гюго. «Спящий Вооз» Гюго в ее переводе это прекраснейшие русские стихи. Они длинные, в нескольких частях, я целиком их, конечно, не воспроизведу, но финал помню наизусть, совершенно космический:

Он спал. Она ждала и грезил. По склонам
Порою звякали бубенчики скота;
С небес великая сходила доброта;
В такое время львы спускаются к затонам.

И спал далекий Ур, и спал Ермадеф;
Сверкали искры звезд, а полумесяц нежный
И тонкий пламенел на пажити безбрежной.
И, в неподвижности бессонной замерев,

Моавитянка Руфь об этом вечном диве
На миг задумалась: какой небесный жнец
Работал здесь, устал и бросил под конец
Блестящий этот серп на этой звездной ниве?

Надежда Януарьевна была почти шестидесятью годами старше меня. Я познакомился с ней весной 1976 года, мне было 17, а ей 74, но мы сердечно дружили на протяжении двадцати лет. Надежда Януарьевна, как и ее ближайшая подруга Антонина Николаевна Изергина, которую я уже не застал, – петербургские тени в слободском понаехавшем Ленинграде. Надежда

и Антонина – это еще поколение, выращенное на культуре модерна и через нее связанное с большой русской европейской традицией. Антонина Николаевна была женой Иосифа Абгаровича Орбели, директора Эрмитажа, а до того – женой Щеголева и возлюбленной Пунина. И вообще у нее большая и разнообразная женская биография. К тому же она была уважаемым искусствоведам, специалисткой по живописи немецкого барокко и создательницей легендарного «третьего этажа» Эрмитажа – экспозиции импрессионистов и постимпрессионистов, которых стала выставлять с конца пятидесятих годов, наперед Москвы, при первой же возможности, а еще она была известной альпинисткой, но ценили, любили, обожали ее за другое. Красавица и бонмотистка, Антонина Николаевна была настоящим ньюсмейкером слова. Шутки и поговорки Антонины Николаевны, ее речения и прозвища сразу расходились по городу, и можно сказать, что она стала создательницей не только «третьего этажа», но и новейшего ленинградского интеллигентского фольклора. Сестра ее Мария Николаевна, может, не такая выдающаяся, но тоже очень яркая, в Коктебеле, где поселилась еще в пятидесятые годы, сотворила нечто подобное, правда, не одна, а вместе с верандой, куда несколько десятилетий подряд ходили отдыхающие «все». Стоявшая на обочине веранда, от души презиравшая Дом творчества писателей, нагло взгромоздившийся на лучшее в Коктебеле место, изобретала для его обитателей обидные клички. В русский язык твердо вошла жопис – жена писателя. Но была и писдочка – писательская дочка, и сыпис – сын писателя, и мудопис – муж дочери писателя: веранда классифицировала все, что попадалось ей на глаза. Устное творчество – это народная привилегия, но при советской власти она стала достоянием интеллигенции. Культура эмигрировала в устную речь, как в перевод. И словесность заколосилась. Надежда Януарьевна, свободно владевшая пятью языками, всегда говорила, что знать нужно прежде всего русский – язык, на который переводишь. Когда-нибудь я обязательно о ней расскажу подробнее, о ней и о том мире, который навсегда ушел.

28 марта

Из поста в пост я призываю отпустить пусек, вообще проявить к ним милосердие. Читатели, не умеющие читать, возмутились, что в последнем тексте я называю их «девками». Милые мои и хорошие! «Девки» – это необязательно публичные девки. Понимаю, вы полюбили это сочетание, но оно не единственное. «Девки» – не «девочки», собирательные и лишенные возраста, от трех дней и до восьмидесяти лет, и не «девушки», безликие, как фигура в толпе, как обращение в очереди. «Девки» – веселые, наглые, лихие, антоним к «девам», медлительным и меланхоличным. Открою вам страшную тайну: сказать «девки» можно с куда меньшим пренебрежением, чем сказать «дамы». И не надо тут спорить – просто поверьте на слово.

30 марта

Юрий Сапрыкин и Юлия Латынина в журнале «Ситизен К» обсуждают «путинское большинство», которое в интеллигентских разговорах нынче эвфемистически называется «Светой из Иваново», а напрямую «говнобыдлом». Последним термином Латынина не пользуется только из пренебрежения к словесному штампу. Торжество Путина, согласно Юлии Леонидовне, обеспечивает медсестра, получающая 5 тысяч, ее надо отстранить от выборов, и будет нам счастье. Хотя, казалось бы, счастье будет, если медсестра за 5 тысяч начнет получать 50, от этого даже Латынина выиграет, не век же ей рассекать на велосипеде, наступит час (дай бог, чтобы как можно позднее), когда и она распластается на утке, а ее надо иногда опорожнять. Сапрыкин, конечно, достойно Латыниной возражает, находя необходимые правильные слова, но аттическая соль кроется не в его благородстве, а в резкости Юлии Леонидовны, которая по привычке выдает цинизм за ум. Она ведь интеллигентский Жириновский, находка для безыс-

кусных медиа: зови Латынину, и конфликт обеспечен. Чего проще? – опустил три копейки в автомат с газированной водой, и оттуда журчит, льется шокирующая речь. Во всем этом удивляет редакция, несомненно умная, лучшая сегодня, у нее такие прекрасные авторы, пишущие такие прекрасные тексты, зачем ей простейшие фокусы? – нет ответа.

2 апреля

Бездоказательное обвинение кого-то в коррупции оставляет тягостное впечатление. Особенность нынешней России в том, что доказательное обвинение кого-то в коррупции оставляет впечатление стократ более тягостное. Навальный тут разоблачает Шувалова. К чему? Понятно, что Шувалова нагляднее всех разоблачает его собственная жена, зарабатывающая 640 миллионов в год. Рисуя такие цифры в декларации о доходах, она одним этим фактом превращает своего супруга в старика Батурина. Потому что все оттенки смысла умное число передает. Зачем еще стараться? Затем, что добрые люди скребли по сусекам и слили наскребанное – не пропадать же добру. И Навальный – с честным лицом, с открытым забралом – вступает в непримиримый бой с коррупцией, выполняя в чьей-то игре против Шувалова свою достойную двадцать восьмую роль.

15 апреля

Ксения Соколова зажигает в «Снобе»:

«Существуя бок о бок с кипящим адом, мы наслаждаемся жизнью элиты, яппи и богемы, рожаем детей, делаем карьеру, покупаем домики и машинки, путешествуем. Возвращаясь с Лазурки и Мальдив, мы встречаемся на вечеринках и обсуждаем светские новости: посадили Козлова, панк-девиц, менты пытали человека бутылкой из-под шампанского, вводят уголовную ответственность за то и за се. Нас всех тошнит, но мы расходимся по домам и ищем своему антибытию еще какие-то беспомощные оправдания.

Наверное, так могли бы вести себя немцы, если бы не разобрались с прошлым, если бы объявили себя „суверенной демократией“ с особым германским историческим путем, и как символ этого пути на окраине процветающей европейской державы по-прежнему дымил бы Освенцим-light.

А теперь вернемся в гламурный ресторан „Варвары“, где с подругой Романовой мы коротаем ветреный мартовский денек».

Вернемся, конечно, отчего ж не вернуться? Но хотелось бы понять, автор ищет своему антибытию беспомощные оправдания или коротает мартовский денек в гламурном ресторане? А может быть, это один и тот же процесс? – глубокие проваливающиеся кресла, деликатное освещение оттеняет зрелую красоту подбородков и шей, приглушенный звук не мешает журчанию речи, но всех почему-то тошнит, воздух насыщен ароматами, невдалеке дымит Освенцим-light.

21 апреля

На самом деле хорошо быть с Церковью, спокойно, надежно и на душе легко. И есть вещи, которые мне, в сущности, безразличны. Ни мерседесы с майбахами, ни табачно-алкогольные акцизы, ни часы-трусы, ни даже кагэбэшное прошлое меня не трогают, почти не смущают – не моего ума это дело, что там и почему было, Бог разберется, не мне судить. Но ХХС – главный храм страны, куда ходит «весь деловой и политический истеблишмент», то есть не жулики и воры, а воры и убийцы. Они верят только в бабло и, мучительно страдая, выстаивают под-

свечниками службу, потом равнодушными губами дотрагиваются до икон, пачкая их следами своего сильно сытного и немножко кровавого обеда, – это великолепно, это по-православному. А девицы, три минуты подпрыгавшие в церкви ногами, беззвучно, как рыбы, открывая рот, – это надругательство, немыслимое кошунство и святотатство. Тут надо бежать и переосвящать храм. Если это не фарисейство, то, что тогда фарисейство? – я, правда, не понимаю.

24 апреля

Книгу Аркадия Ипполитова «Особенно Ломбардия. Образы Италии XXI», выпускаемую сейчас издательством «Азбука Аттикус», никак не назовешь путеводителем, хотя все мало-мальски значимые ломбардские города сюда вошли. Название отсылает к классическому труду Павла Муратова, но к диалогу с ним книга не сводится. С художественной свободой романного повествования Ипполитов соединяет далекое, не зная границ ни во времени, ни в пространстве: певица шестидесятых годов Мина, «кремонская тигрица» с ее «Bang Bang», сливается у него с другой тигрицей, Катериной Сфорца, современницей Леонардо; пьячентинский день возникает под крапывающий дождик на платформе станции, которая «стояла в голом поле, унылая и нищая, как социализм», чтобы потом на сырых улицах Пьяченцы медный Алессандро преследовал местного Евгения, а в мантуанском Палаццо Те, в зале Амура и Психеи кисти божественного Джулио, с потолка посыпались и бедная Лиза, и Лиза из «Дворянского гнезда», и родственная ей героиня «Чистого понедельника», и набоковская Машенька.

Книга Ипполитова о Ломбардии – это, конечно, книга о романе русской культуры с Италией. На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна. И не одно столетие грезит о пленительном пластическом юге. Этот сон, сегодня почти неуловимый, бессвязный, распавшийся на ассоциации, Ипполитов – в поисках утраченной культуры – собирает с помощью синтаксиса. Пока жива русская речь, пока она льется и вьется, ничто не утрачено, все восстановимо.

29 апреля

Вякнул против борьбы с георгиевскими ленточками, и мне тут же заметили, что «это протест против пошлости, не более». Пошлости и в самом деле хватает, чего уж там. Уже несколько лет в интернете гуляют фотки молодых людей со шнурками на ботинках из георгиевских ленточек – «наши» или какая-то в этом роде дрянь. Ну и что с того? – пожми плечами и пройди мимо. Но шнурки из ленточек делают символом фальшивого праздника, как будто за ним больше ничего и нет. И сразу выясняется, что ничего больше и нет: Путин да «наши», вот вам все 9 мая. Логика борьбы захватывает, и шаг за шагом обнаруживаются новые определяющие подробности: и ветераны – как один, сталинисты, и победа их принесла только вред, пол-Европы советская власть на дурачка отхватила, и Власов – единственный герой, и вообще было бы лучше, если б умная нация завоевала очень даже глупую-с. Так, зажав в кулачке свою маленькую правду про пошлость ленточек, интеллигент или – как там нынче его зовут? – креативный класс превращается в Смердякова. По мне так это гораздо плачевней, чем пустоголовые «наши» с их шнурками для ботинок.

29 апреля

Белые ленточки Болотной сигнализируют слабость. Они миролюбивы, они пассивны. В них нет ни твердости, ни воли, ни даже простого упорства, одна мольба о пощаде. С белым не идут в бой. С белым бой сдают. Тот конец Болотной, который сейчас очевиден, был в белых

лентах заложен. Какое там шествие миллионов, даже обсуждать неловко. А оно ведь могло состояться.

Для этого нужна была одна малость – вместо белых лент взять георгиевские. Почему это никому не пришло в голову? Там же креативный класс, все московские пиарщики.

Неужто из боязни смешаться с чужими, которые по весне себя этими ленточками украшают? Но это как-то совсем глупо. Смешаешься с чужими – своих станет больше. Уж не говоря о том, что политические люди, даже обуянные смешными высокомерными фобиями, ради пользы дела умеют засовывать их себе в жопу. Или потому, что Победа = Путин? Но это ведь не так. Ни Путин, ни Кремль никаких эксклюзивных прав на Победу не имеют. На нее никто из живущих прав не имеет. Она за давностью лет стала бесхозной. А значит, ее надо брать и приватизировать.

Игра в георгиевские ленточки это приватизация победы. Она потому и сделалась массовой, что язык Победы – единственный общий язык для населения. Болотная не захотела с ним брататься, не стала так разговаривать. Последствия сказались сразу. Никакой Поклонной никогда бы не образовалось, если б Болотная была в георгиевских ленточках. И конструкции «трудовой народ vs. продажные элиты» никогда бы не возникло. Зато возникло бы нечто весьма интересное.

Болотная разворачивалась в декабре. Тогда всем было известно, что восшествие на престол следующего президента произойдет 6 мая. И то, что георгиевскими ленточками в эти дни украсится широка страна моя родная, было такой же несомненной данностью, как имя этого президента. И, следовательно, сколько людей придет на Болотную, уже не так важно: вся Россия в день инаугурации стала бы Болотной.

Я не знаю, какой адекватный ответ могла бы придумать власть, если б болотные в декабре надели георгиевские ленточки. Нет такого ответа. Но они надели белые, креативщики наши.

2 мая

«Известия» сообщают, что «Президент России Дмитрий Медведев и глава правительства Владимир Путин отметили День весны и труда в пивном ресторане на Арбате... Президент решил пообедать треской с вареным картофелем, а премьер-министр – жареной картошкой и колбаской из баранины».

Прямо видишь, как пиарщики, давясь от хохота, сочиняют эти рецепты, чтобы придать вождям «теплинки» и «человечинки».

2 мая

Комментируя мою реплику про обед Путина-Медведева с треской и колбаской, Ирина Любарская заметила, что в «7 дней» это называлось не теплинкой и человечинкой, а живинкой и пошлинкой. Разъясняю. И то, и другое, и третье, и четвертое – устоявшийся пиаровский сленг.

Путин засмотрелся на стоявшую рядом девушку. Это живинка.

«Хочу такого, как Путин», – сказала она, поймав его взгляд. Это пошлинка.

Но Путин в это время думал о матери, он вспомнил ее нежный взгляд, ее ласковые руки. Это теплинка.

Как давно это было! Ком встал в горле у Путина, он сдержал себя, чтобы не разрыдаться. Это человечинка.

Понимаю, что грань зыбка.

2 мая

«Отказ мотивировали тем, что „инвалиды вызывают жалость у посетителей“. При этом сотрудники океанариума предложили родителям провести экскурсию в санитарный день, чтобы их детей „никто не видел“».

Это не единственная версия. Тут же выдается и другая. «Были мартовские каникулы, и было душно. У нас уже был инцидент, когда человеку с ограниченными возможностями стало плохо от духоты».

Так как же все-таки было – жалко или душно? Лучше бы остановиться на чем-то одном.

Дорогое руководство океанариума, вы понимаете, что это сегрегация? И вздох приторного гуманизма – мол, все это делается «ради их собственного удобства» – сегрегацию не скрывает, а выдает. Не надо накидывать вуаль на мурло, контуры проступают отчетливей.

«Я ничего не имею против чурок, но пусть живут отдельно от меня, в другом районе, городе, хоть за поворотом». Это обывательская эмоция. И это сегрегация.

«Зачем в фитнес-центре строить пандус? Сюда инвалиды не ездят». Это бизнес-логика. И это сегрегация.

«Дети не должны видеть гей-парада. Уничтожим его даже в помыслах, приняв закон против пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних». Это рассуждение государственных мужей. И это сегрегация.

«Мы просим людей с ограниченными возможностями приезжать в специальное время, в 8–9 утра, а открываемся мы в 10 утра». Это заявление руководства океанариума, исполненное трогательной заботы. И это сегрегация.

Идеи сегрегации не было в девяностые годы, которые иначе как «бандитскими» не называют. Ее не было даже в начале двухтысячных. Это завоевание последнего времени – общее для всего российского океанариума.

7 мая

Мои левые друзья почему-то не понимают, что Навальный, Удальцов и Яшин, заседавшие у Каменного моста, вообще-то в ответе за тех несчастных, кому вчера досталось от ОМОНа. Вождям вольная воля вступать с властью в роман, сколь угодно кровавый, но пришедший под их знамена народ мог иметь на вечер другие планы.

Мои правые друзья почему-то не понимают, что вооруженные дядьки заведомо сильнее безоружных, а значит должны быть стократ терпеливее. Сравнение с пивным путчем из самых нелепых: ну, не похожи тщедушные меланхолические хипстеры на крепких баварских парней с тугими животами. И вообще, если вы так уверены, что они, изображая жертву, хотели пострадать, то тем более нельзя было давать им такого шанса. И не важно, кто первый начал: власть всегда ответственна, толпа – нет. И в побоище виновата власть, если она выстояла.

12 мая

Самое блевотное в ответе Пескова это игра в простонародье.

«– То есть вы не говорили про печень?»

– Я не говорил? Ну представьте: стоят в коридоре два мужика. Он мне сказал: „Ты дурак“. Я ему ответил. Бежать после этого сразу все вываливать в твиттер – это просто не по-мужицки».

Два мужика в коридоре... Это просто не по-мужицки...

«Мужики и бабы» это же не гендерное, а социальное: так господа называли простолюдинов. Советская власть, всех со всеми уравнивавшая, все вообще сбившая, вернула «мужикам и бабам» не свойственный им гендер, и тихой сапой «мужик» сделался синонимом рыцаря. Народ эта перверсия не мучила, не пучила, он ее не чувствовал, а бывшие охотно включились в игру, позволявшую скрыть происхождение: я еще помню стариков и старух, говоривших про себя «мы, мужики», «мы, бабы» с задорным саркастическим вызовом.

Но наступил 1991 год, и все мгновенно сделались господами. И Песков, надо полагать, знает, как орудовать ножом и вилкой, пользуется одеколонами и дезодорантами, ухаживает за ногтями, бреет подмышки и скоро отправится к пластическому хирургу. Ну, какой он, прости Господи, *tujiik*?

Политики, думающие, как угодить электорату, видят перед собой выдуманного избирателя, простого, как редиска, и разговаривают с ним на сконструированном народном языке, фальшивом донельзы. Лучше бы они посмотрели в зеркало. Песков, приглядитесь, там не Черномырдин. Черномырдина больше нет и не будет. Хороший был мужик.

14 мая

Несколько дней назад в сети гулял ролик, на нем омоновец с остервенением бил по животу распластанного тела, которое другие омоновцы тащили по земле. Съемка была сделана 6 мая и положена в сеть КПРФ с комментариями, что это беременная женщина и что коммунисты подают на ОМОН в суд. Я уж было почти утащил видео к себе в фейсбук, чтобы поддержать, погавкав, но передумал. Меня остановило не то, что ролик везде уже был, и не то, что за ним стояли коммунисты. Оголенный живот, хорошо снятый, принадлежал тощему субтильному созданию, может быть, и женщине, но совсем не похожей на беременную: живот был плоский. Х. з., решил я, может, это ранняя стадия, конечно, коммунистам виднее, но бог с ним, с роликом. Сегодня выяснилось, что беременной женщиной оказался студент Николай.

Про что эта история? Она про то, что правда неинтересна, а интересна драма. Бить в живот нельзя никого, тем более беспомощного, схваченного за руки человека. Но это обыкновенное преступление, в нем мало саспенса. Ты скажи, что сапогом в живот били беременную женщину: тогда кровавый режим встанет во весь свой нечеловеческий рост.

А, тем временем, в полиции заявляют, «что запечатленный на видео омоновец, скорее всего, прибыл на Болотную площадь из региона и к столичным сотрудникам МВД никакого отношения не имеет».

А эта история про что? А все про то же. Про то, что правда не нужна; нужно, чтоб не было драмы. Разве сотрудник московской полиции может кого-то бить сапогом? Такие животные водятся только в Бобруйске. А толерантный столичный ОМОН состоит из князей Мышкиных и беременных женщин.

21 мая

Сегодня весь день провели с Андрюшей на вилле Адриана, где две тысячи лет тишины и птицы поют. Вернувшись в Рим, открыли компьютер, а в нем град вопросов про землетрясение, – не потрясло ли часом и нас. Нет, не потрясло. И вообще, вы в компьютере гораздо ближе к эпицентру, чем мы в Италии. Между вами и землетрясением расстояние в несколько минут, и от вала информации никуда не деться, между нами – в несколько сот километров, дарующих неведение. Блаженное оно или постыдное – другой вопрос, но обдумать его лучше в тиши, выключив компьютер.

22 мая

Ходил в Риме на виллу Боргезе. Там перед самым входом в парк памятник Пушкину, поставленный лет десять назад, – ужасающий, конечно, но так ли это важно? Хуже, чем на Арбате или Никитской, все равно не бывает. Зато у римского Пушкина четыре букетика свежих цветов. Значит, четыре человека, по крайней мере, только сегодня карабкались на холм, где вилла Боргезе, купив перед этим внизу букеты, чтобы положить их к памятнику. А я, мутила, не догадался. Стоял, угрызаясь совестью и гордясь за соотечественников – чудное чувство, если кто не знает.

23 мая

Силы света, силы добра кидают в воздух чепчики: тов. Сечин только над Роснефтью простер совиные крыла. Чтобы так локализовать мощнейшего Игоря Ивановича, потребовалось вставить в его огнедышащую пасть трубу, которую специальным царским указом вывели из-под приватизации. Вот это я понимаю – всем октябрятам пример: учитесь, малыши, продавать свою отставку.

2 июня

Дедушка Мубарак, добровольно отдавший власть, получил за это пожизненное заключение – наглядный урок Путину, который теперь такой глупости уж точно не сделает. Лучше пожизненно на троне сидеть, чем на нарах. Вот за это я и не люблю непримиримую оппозицию. Ей весело кричать: «Путин – вор! Путин – вор! Вор в тюрьме, а не в Кремле!» А нам потом жить в однообразном, пустом остановившемся времени.

Я не понимаю нынешних либералов. Как у людей должны быть устроены мозги, чтобы защищать светскость и пусек, вообще бороться с фундаментализмом и при этом сливаться с людоедской толпой, которая требует, чтобы 84-летнего старика, приговоренного к пожизненному заключению, непременно повесили.

21 июня

Показательный документ. Молодые режиссеры, студенты и выпускники ВГИКа, обращаются к Михалкову Никите Сергеевичу, главному авторитету, с призывом защитить их от бездуховности и безнравственности, процветающих на киностудиях и фестивалях. Мол, трехэтажный мат под видом артхауса губит профессию, отвращает зрителя и не дает молодым дороги.

Понятно, что текст сочинил сам Никита Сергеевич, то есть кто-то из его obsługi: это типичное письмо, заказанное адресатом. Наверное, за ним все та же борьба Михалкова с теми же, но это тухлая сторона сюжета. Бодрая – состоит в том, что шестьдесят молодых людей это письмо подписали. Шестьдесят молодых людей вышли со страстным призывом к ханжеству. Шестьдесят молодых людей хотят жить в Иране. И мы ничуть этому не удивляемся, потому что все последние 12 лет Россия стремительно в Иран превращается.

Собственно, это главное, что случилось. Нет больше ни правых, ни левых, ни социалистов, ни либералов, ни западников, ни почвенников. Есть те, кто хотят жить в Иране, и те, кто этого не хотят: единственный водораздел, остальные – мнимые.

22 июня

«Изменения внесут в статью 282 УК „Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства“. Депутат Алексей Журавлев рассказал „Известиям“, что поправки сделают ее более конкретной и позволят выдвинуть обвинения, например организаторам премии „Серебряная калоша“. Если поправки будут приняты, организаторам „калоши“ светит либо штраф в 300 тыс. рублей, либо от одного до двух лет лишения свободы».

Чтобы засудить организаторов Калоши, поглумившихся над Патриархом, одних поправок в 282-ю статью мало. Надо еще принять поправку, что закон имеет обратную силу. Впрочем, какая проблема? – примут. И поправку о том, что Солнце вращается вокруг Земли, примут тоже.

30 июня

Парижская подружка пишет в личку: «Вот такую дискуссию о кино и геях невозможно себе представить в европейском образованном обществе. Это как ничего не иметь против евреев, но почему они все время выпячивают свой Холокост? У нас вот-вот примут закон об однополых браках и усыновлениях. Меня это прямо не касается, но я совершенно счастлива!»

Подружка, видимо, ночью ходила в ту фейсбучную дискуссию, где я отметил. Затеял ее популярный просвещенный кинокритик, не вылезающий с международных кинофестивалей, и дискуссия была очень корректная, ну совсем цивилизованная, с легким, даже легчайшим налетом гомофобии, почти совсем не расистским.

Вспомнил Нину Стивенс, крепкую мосластую блондинку, которую муж нашел в деревне. Когда я ее тридцать лет назад увидел, это была великосветская московская дама, и ничто не выдавало ее происхождения. Она была неизменно улыбочливой, общалась свободно и любезно и всегда приветливо звенела навстречу килограммом дагестанского серебра – на шее, на груди, на запястьях, – как тогда было принято среди богемы. Ну, разве что хохотала слишком заливисто и громко, но это ведь от души. Рассказывают, что строгий Стивенс говорил ей в злую минуту: «Нина, ты вышла из колхоза, но колхоз из тебя не вышел».

1 июля

Никита Михалков, предложив Pussy Riot выступить в Мекке, заключил: «Ислам научился и объяснил миру, что не надо залезать своими руками в их духовное сердце». Никита Сергеевич кажется себе неотразимым. Он, наверное, не знает, что турки полностью освободили от уголовной ответственности украинских пусек – группу Femen, которая трясла голыми сиськами напротив стамбульской Софии. Не Мекка для турок, но близко.

Гораздо интересней, впрочем, другое. Фраза «не надо залезать своими руками в их духовное сердце» это осознанный или невольный парафраз знаменитой фразы Блока о молодом Корнее Чуковском, который «лезет своими одесскими глупыми лапами в нашу умную петербургскую боль». Письмо деятелей культуры в защиту пусек, в связи с которым Михалков высказывается, возможно, одного роста с молодым Чуковским. Но дорогой Никита Сергеевич при всем к нему уважении отнюдь не Блок, ох, не Блок он, Александр Александрович, и где она, эта умная петербургская боль?

В этом, собственно, главная проблема охранителей и консерваторов: до слез непонятно, что они охраняют и консервируют.

1 июля

Собчак по требованию Оргкомитета оппозиции ушла из Дома-2.

Чем же Оргкомитету не угодил Дом-2? Вроде бы популярная программа, и пока там Собчак, у нее с рейтингом все в порядке. Что ж плохого в том, чтобы одного из лидеров оппозиции постоянно хавали в ящике миллионы телезрителей? Исходя из простой политической логики, надо было просить Собчак, чтоб она оставалась в любимой народной передаче, которую к тому же все время пытаются запретить по «морально-нравственным» соображениям, – зачем же поддакивать запрету? Затем, что у оппозиции те же «морально-нравственные» претензии, что у самых дремучих депутатов Государственной Думы.

«Поясняю: Собчак выполнила требование Оргкомитета протестных действий и ушла из Дома-2. Иначе мы бы не разрешили ей ходить с плакатом», – написал Навальный в Twitter.

То есть ведущая Дома-2 оскверняет протестный плакат, до него дотрагиваясь: к чистому прикасается нечистая.

А вы еще спрашиваете, где, в чем у нас сказывается Иран? Во всем, везде, даже в оппозиции. И с чего бы ей отличаться от власти? Ханжество – главная русская национальная идея.

8 июля

Господи, ну что за безумие? Зачем сажать человека за отрицание геноцида армян?

Геноцид армян 1915 года одна из самых кровавых и страшных трагедий, но почему нельзя в ней усомниться? Почему нельзя усомниться в Голодоморе, в Холокосте, в том, что земля круглая, а вода мокрая? Человеку свойственно сомневаться. И никто не смеет запретить ему исповедовать и провозглашать любой вздор. Он, слава богу, пока еще может быть атеистом, хотя бывают такие глупые власти, которые хотят отнять право именно на эту глупость. Но если все еще можно отрицать Господа нашего Иисуса Христа, у нас можно и во Франции, то почему нельзя отрицать геноцид армян – кто-нибудь в состоянии объяснить это?

16 июля

Ирина Павлова обратила мое внимание на то, что фейки про Православную церковь, про батюшку, который крестит животных, украшают страницы статусных либералов. Это правда, и печальная. Но про что она? Про то, что не только циничная власть, но и высоконравственная интеллигенция у нас выстраивает образ врага и готова верить любой чепухе, которую сама сочинила. Увы. Но почему так происходит? Потому, скажут мне, что интеллигенция такая-сякая, умом не вышла, душой не уродилась. Пусть так. Но и Церковь, наверное, постаралась для этого. Я вот с ужасом жду каждого нового выступления о. Всеволода Чаплина, хотя, казалось бы, чем он еще может удивить? Вообще-то не батюшка, который крестит животных, а именно о. Всеволод Чаплин – самый жирный, самый впечатляющий фейк. Но никто его не опровергает, никто от него не отрешивается; он при должности и при сане уполномоченным Церковью ртом несет веское пастырское слово.

18 июля

Давнишний мой дружок Дима Попов пишет из Мюнхена: «Быть буржуазным эпатажно во времена Ильфа и Петрова, Саша, и круто во времена Черненко. В сегодняшней России

это пошло или, как считает Деготь, подло. Меня она убеждает больше Вас. Но это, конечно, позиция из прекрасного южнонемецкого далека».

Дорогой Дима Попов и другие мои, ничего не понявшие друзья! При чем здесь буржуазность? Деготь стократно буржуазнее меня. И разве в этом дело? Почитайте, что она пишет: «Новое название Colta, на мой вкус, еще больше знаменует это настаивание на культуре, на ее классовом превосходстве... Настаивание на эрудиции – а эрудиция есть знание „в себе“ и для себя, аналог „искусства для искусства“. Это вкус Серебряного века, эстетизма, символизма, который, как мы знаем по истории – и в частности истории Италии, – оказался слишком неустойчив к политическим влияниям, поскольку не рефлексировал собственную политику. Как это бывает при таком абстрактном понимании культуры, на этом слове слишком легко соскользнуть в темные глубины прошлого, где культура есть возделывание традиции, почвы и судьбы, где собранный урожай (colta) связывается в снопы (fasci)...». Это не вырванная из контекста цитата, это честно воспроизведенный кульминационный момент ее статьи, объясняющей, почему она не пошла работать на сайт colta.ru.

Итак, что сказала Деготь? Воспроизводим всю цепь. Она такая: colta=эрудиция, искусство для искусства, Серебряный век=темные глубины прошлого, возделывание традиции, почвы и судьбы=фашизм. Вот что сказала Деготь. Но она не только сказала, она показала, продемонстрировала всей своей деятельностью на Опенспейсе, где по разделу совриска торжественно преподносилась разная, самая ничтожная хрень, а выставка Люциана Фрейда в Центре Помпиду, например, была концептуально проигнорирована. Казалось бы, Фрейд – главный современный художник в главном музее мира, самый дорогой, самый рыночный и самый гениальный, прежде всего. Бывают такие совпадения. И что? А ничего. Это же живопись, темные глубины прошлого, возделывание традиции, почвы и судьбы. Фашизм, в сущности. Как это защищает интересы рабочих и др. угнетенных трудящихся от финансового капитала?

Вот величайшая «Пьета» Аннибале Карраччи из неаполитанского Каподимонте. На сегодняшний невежественный взгляд, она исполнена ложного пафоса и академической мертвечины. Но это и есть язык культуры – очень сложный, очень изощренный, очень витиеватый, предельно современный. Его надо донести, его надо объяснить, его надо сберечь – вот задача. А все остальное – Карл Маркс, интересы рабочих, мир капитала, наш ему ответ и т. д., и т. п. – пусть идут лесом. Под прессом, со стрессом или с прогрессом, не мое дело.

19 июля

Пусек будут судить за «унижение вековых устоев». Это не призыв хоругвеносцев и не метафора их публициста. Это один из пунктов обвинительного заключения, пошедшего в суд. Тут беда уже не в том, что такого преступления нет в УК, что Россия – светское государство и т. д., и пр. Хуже всего, что такое преступление нельзя даже представить. Метафора не визуализируется. Вековые устои на то и вековые, что их поди унижь. Дед бил-бил, не разбил, бабка била-била, не разбила, много столетий кряду, устои высились, величавые и незыблемые; пуськи пробежали, хвостиком махнули, устои враз унизились.

Если суд согласится с таким обвинением, то делать нечего. Придется надевать майку «Я тоже унизил вековые устои». Право на здравый смысл отнимают последним.

21 июля

Пожилые курицы, засевшие в Государственной Думе, восстали против курицы освеженной, укрытой в лоне. Кудахчут про пошатнувшиеся устои как угрозу российской государственности. А у самих сквозь пергидрольные перья просвечивает чернозем. Битвы за нравственность, которые ведут дамы после пятидесяти, исполнены отчаяния: Эрос ушел, наступает

Танатос, и месть за это человечеству должна быть страшна. Больше всего тут неверия, животной убежденности, что жизнь кончается здесь, а значит, гори все огнем, если я в морщинах. Так Нерон любовался пожаром Рима и молодец в отсветах пламени. Дамы, держите себя в руках. Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше отечество. Смерть неизбежна.

22 июля

В русской литературе я не могу вспомнить ни одной старухи, которая бы боролась за нравственность. Мерзких ханжей, разумеется, полно, но положительные – всегда свободолюбивы:

Когда я буду бабушкой
Седой каргою с трубкою! —
И внучка, в полночь крадучись
Шепнет, взметнувши юбками:

«Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?» —
Я опрокину лавочку,
Я закружусь, как вихрь.

Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!»

Марина Ивановна тут вполне традиционна. Организовать, что ли, бесплатный ликбез для депутатов, чтоб они знали, какие традиции защищают.

25 июля

Когда дискуссия вокруг Деготь уже заглохла, в нее пришел Юрий Альберт с таким возражением:

«Александр, я тоже считаю эту Катину статью неудачной, с передержками и логическими подтасовками. Да и вообще глупо объяснять нежелание работать в Кольте столь высокими принципиальными соображениями. Но ставить знак равенства между искусством, тем более современным, и пластикой – дело, не побоюсь этого слова, крайне реакционное. В современном искусстве, а им Деготь и занимается, пластика факультативна. И это не Катя придумала, а так и есть, уже больше ста лет».

Я ждал этого почтенного возражения, и все удивлялся, почему никто его не высказывает, оно просилось в дискуссии, сто лет – немалый срок, и в этом, собственно, главная проблема: мудрено сто лет подряд козырять одним возражением, оно тоже ветшает, оно на исходе. Не может быть пластика факультативна в изобразительном искусстве, как не может быть звук факультативен в музыке или слово – в литературе. Нам даны уши, чтобы слышать, язык, чтобы говорить, глаза, чтобы видеть. Дорогой Юрий Альберт, глаза не факультативны.

Видит бог, я не боюсь быть реакционером. Совсем не боюсь. По мне так это куда достойнее, чем быть революционером. Но Мафусаилов век совриска когда-то закончится, и, сдастся,

уже скоро, к нашему общему с Альбертом ужасу, в паре реакционер-революционер мы займем неожиданные друг для друга и дискомфортные позиции.

28 июля

Кашин пишет на Опенспейсе: «Входящая в моду кающаяся жалобная позиция – гораздо более снобская, хамская и оскорбительная для, уже без кавычек, простых людей. Потому что, если ты признаешь вину перед простыми людьми, то ты себя ставишь вне их». Неужто Кашин не слышал про кающихся дворян? Этой моде у нас полтора века, как отдай. Дворян истребили, а кающихся – нет: интеллигенция переняла эстафету и нестибаемо пронесла ее сквозь все разнообразие двадцатого века. Жизнь менялась кардинально, а кающиеся, как встарь, признавали вину перед простыми людьми и ставили себя вне их. За сто пятьдесят прошедших лет мода эта не прекращалась ни на один день.

28 июля

Лидия Гинзбург говорила: «Кающееся дворянство заглаживало первородный грех власти; кающаяся интеллигенция – первородный грех образования».

Дворян нет (даже если они имеются), интеллигенция в мимансе, солирует креативный класс. Развивая мысль Гинзбург, можно сказать, что кающийся креативный класс заглаживает непервородный грех достатка. И это единственное, что он может заглаживать, другие отличия от народа не разглядеть в микроскоп.

Достаток не власть и не образование, полученные при рождении. Сегодня достаток есть, завтра отсутствует. Ты с достатком, я дурак; я с достатком, ты дурак; вот и вся коллизия между креативным классом и народом. Поэтому презрение к «быдлу» это – защитная идентификация: как иначе, хотя бы самому себе, доказать свою креативность? Покаяние перед «быдлом», которое в этот момент волшебным образом преобразуется в «народ», – столь же глупо, но более человечно.

29 июля

Прочел во френдленте впечатления одной русской об Италии: Chto kasaetsa italianok, to zdes oni vse neuxogennye, za soboi ne sledat, odevautsa prosto, i vnechne ne privlekatelnye, grubovatie, tak chto ia chuvstvuu seba zdes krasavizei.

И правильно чувствует. С утра она приклеит ресницы Барби, отштукатурит мордочку и наденет все свое лучшее вечернее: розовую в блестках блузку, голубую, как у Мальвины, юбку. И, стуча высокими каблуками, отправится гулять по городу: Испанская лестница, фонтан Треви. И ей сразу повезет; ее выделит, выхватит из толпы самый красивый мужчина Рима, с пушистыми душистыми усами, в черных лакированных ботинках – нелегал из Львова, работающий за кэш на стройке.

4 августа

Народ лайкает текст Лимонова о Путине «Корсет императора». Текст этот, выложенный на Слоне, – написан скверно. Одна мысль, одна метафора, но они между собой не увязаны. Мысль, прямо скажем, не хитрая – Путин постарел – и не совсем ловкая в исполнении Лимонова, который почти десятью годами старше. Метафора шикарная, но Лимонов ей обязан маркизу де Кюстину: Николай I не простил гениально злобному французу вовсе не поругания

родины, а описания того, как жирный живот императора перед балом затягивают в корсет. Метафора с корсетом Лимоновым не то что не докручена, а не раскручена вообще, даже толком не обозначена: Кюстин был по-гейски беззащитно влюблен в Николая, да и в Россию, при всей к ней ненависти, – тоже. В сущности, царь отверг маркиза за объяснение в любви. Эдичка былых времен непременно бы это прописал и, опрокинув Путина на Николая, а себя на Кюстина, закрутил бы в штопоре бесстыжий и беззащитный лирический монолог о любви-ненависти, в котором и корсетная николаевская Россия, и кровавый кремлевский режим стали бы осязаемыми. А сейчас идут сплошные названия, унылое бу-бу-бу, второй тур... должен был выиграть Зюганов. Тьфу! Уж коли двигаешься не кривыми художественными тропами, а тупым публицистическим путем, то иди по нему до конца, до полного минимализма, и сдавай на Слон статью из двух слов «Путин – жопа». И два слова на подпись: «Эдуард Лимонов». Лайков было бы еще больше.

7 августа

Три года потребовал прокурор. Сколько же даст судья?

Отчаянные все-таки люди. Власти они боятся, Церкви боятся, хоругвеносцев, православных, всех боятся. А Бога – нет, Бога они не боятся.

9 августа

Люба Аркус четыре года ходила с камерой за мальчиком-аутистом. За это время его мать заболела раком и умерла, мальчика перекидывали из одного казенного дома в другой, из кошмара обыденного, рутинного, в кошмар совсем кошмарный; за это же время от него отказался разведенный с матерью отец, за это же время он его принял. И за это время мальчик вырос. И месяц за месяцем, четыре года кряду Аркус с оператором снимали эту романную историю, которую искусно сложила жизнь: завязка, пики, спады, кульминация, развязка, все на месте, включая голливудский happy end, и к тому же снято, бери и монтируй. Золотое решение.

Именно от него Аркус и ушла.

В кино, которое само складывалось как fiction, она внесла прямой, по-дедовски тупой элемент non-fiction – закадровый комментарий, которого не то что мастера игрового кино, но и уважающие себя документалисты стараются избегать. Show not tell, есть такое великое правило. Но даже самое великое правило создано, чтоб его нарушать.

Введя запретное табуированное tell, Аркус опрокинула историю на себя, на свои отношения с отцом, на свои отношения с миром, с камерой-посредницей, на собственную беззащитность и аутичность. Получилась совсем не сентиментальная, очень жесткая картина о том, что мы все, как этот аутичный мальчик, голые души на ножках. Только, в отличие от него, как-то научились одеваться. И непонятно, достоинство это или недостаток. Фильм называется «Антон тут рядом». Он и в самом деле рядом.

12 августа

«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» – ходящие на баррикады, как на работу, любят Некрасова. Ну и на здоровье. Мне больше нравится Баратынский:

Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златые чела,
Юный красавец сидел, горделиво задумчив, и, смехом

Горьким смеясь, на него мужи казали перстом;
Девы, тайно любуясь челом благородно открытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же глух был и слеп; он, не в меди глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок?

Действительно, лавровый венок не всем к лицу, хотя и предавать дорогое отечество 158 раз, как это делал Алкивиад, утомительно, по-моему. Уж очень много беготни. «Волшебная гора», любимая с детства, учит экономии в движениях, обстоятельности и постепенности. Тут распорядок дня как распорядок века, маленький буржуа с влажным очажком, полемисты пока не доспорили друг с другом, русская пахнет степью и обкусывает заусеницы, не забыть вернуть ей карандаш, впереди еще целых семь лет.

18 августа

Три с половиной года назад в России появился политик, не уступающий Путину по харизме, – умный, волевой, очень бодрый, с амбициями, явно выходящими за пределы занимаемой им должности, с зажигательными речами и акциями, сразу продвинувшими его вперед. Это был – чтоб никто вдруг не запутался – вовсе не действующий тогда президент Дмитрий Анатольевич Медведев, тихая серая мышь, а, конечно, патриарх Кирилл. Плохой, может быть, мужик, но орел: глядел важно, говорил отважно – его яростная антисталинская речь, посолженицынски извинявшая власовцев, шла прямо наперекор генеральной линии АП, стряпавшей в то время из генералиссимуса эффективного менеджера. Хорошо помню, как шипели штатные писатели Администрации при одном упоминании имени Кирилла. Он путал им все расклады, особенно при слабом царе.

Сращение Церкви с государством может ведь обернуться сращением государства с Церковью: Патриарх Никон, если кто запамätовал, был Божиею милостию великий господин и государь. Это я к вопросу о том, что стоит за делом Pussy Riot. Ищи того, кому выгодно, – учили нас древние.

Патриарх Кирилл, так и не взлетев, пошел на убыль. Но за последний год он почти полностью стушевался, превратившись в мишень для медийных атак; все информационные поводы сочиняет за него пресса, ненавидящая и топчущая. Даже о милосердии в деле Pussy Riot первым заговорил Путин – Верховный Совет Церкви сильно запоздалым эхом откликнулся на слова президента. А Патриарх по-прежнему молчит. Нет Патриарха.

Я ничего не утверждаю. Я только сопоставляю и думаю вслух.

19 августа

Сегодня на митинге, посвященном 19 августа, полицейские утащили в автозак девушку, пришедшую в балаклаве. Вообще ни за что – за чулок на голове. Ничем другим девушка не отличилась.

Понятно, что судья Сырова, упекшая за тот же чулок и, в сущности, только за него в колонию трех других девушек, благословила сегодняшних полицейских на их образцовое беззаконие и уж всяко выдала на него индульгенцию.

Как дальше жить, что делать с этим, непонятно. Зато понятно, чего делать не надо. Но даже в моем крайне умеренном дневнике комментаторы живо обсуждают, какой ответ правильней, декабристский или народовольческий, вспоминают, как «русские народники, которых сотнями судили буквально ни за что, расправились зверски, сходили в народ – и этот народ сдал их уряднику. Ну и совиные крыла, и Вера Засулич в ответ».

Дорогие друзья! Не надо Веру Засулич в ответ. Свинные крыла, конечно, печальны, но коллективная Засулич печальнее во сто крат. Проверено. Ох, проверено.

26 августа

Бытие в фейсбуке убеждает в том, что люди, вроде бы умеющие читать, чтобы не сказать книжные, сплошь и рядом не понимают написанного. Минуя все смыслы, они опознают в вашем тексте не то, что там сказано, а то, что вы должны, по их мнению, сказать. Люди же более простодушные смотрят в книгу, а видят фигу. Поэтому даже нехитрый словесный сканб лучше сразу снести на помойку: оппозиции отменить, интонации забыть, изъясняться впредь одними императивами. Тогда есть шанс, что вас все-таки поймут. «Смерть немецко-фашистским захватчикам!» – этот меседж не истолкуют превратно. Но уже сказав «я нежно люблю папу и маму», вы рискуете вызвать волну праведного негодования и узнать, что вы порочный и девиантный тип.

Поэтому по следам последних дискуссий надобно сделать несколько прямых заявлений.

Панк-молебен Pussy Riot это политический антипутинский плакат. Если б его развернули не внутри, а снаружи храма, было бы, конечно, безупречнее, но и в таком виде кощунства нет. Кощунство – вещь глубинная. Оно залегает на третьем, пятом и двадцать седьмом дне, которых в акции «Богородица, Путина прогони!» не содержится. Там нет ни единого дна, все плоско и на поверхности. Величие акции определяется не столько тем, что она показывает, сколько тем, что случается в результате, скажут мне – пусть так, но невиданные ранее общественные разломы, залежи и пласты обнаружил не панк-молебен, а посадка Pussy Riot. Если бы пусек сразу после акции оштрафовали и отпустили с богом, залежи остались бы на своем месте, невиданные разломы – неувиденными. Смонтированный потом клип провисел бы неделю в топах и благополучно канул в Лету, никто бы ни о чем не говорил, за отсутствием предмета для разговора. Панк-молебен уже заполонил сеть, а ведущие деятели совриска еще не догадывались, что он проходит по их ведомству: власть открыла им на это глаза. Аксию сделала посадка и все иезуитские обстоятельства, ей сопутствующие, священная война против трех девочек. В этой истории высокохудожественно выступила только власть. Она лауреатка. Ей все цветы и аплодисменты.

Совсем другое дело Фемен с их последней акцией по спиливанию креста, установленного в память жертв репрессий на том месте в Киеве, где некогда стоял НКВД и массово расстреливали людей. Это не пуськи, здесь вам не тут, это настоящее преступление и настоящий совриск. Метафора наглядна и уходит на глубину тысячелетия. Полуголая Феменша как богиня Берегиня, вылезшая из воды, карабкается на самый верх и валит над Киевом крест, топча заодно могилы: ведьминская Лысая гора вырастает сама собой, без суфлирующих бумажек кураторов. Они не требуются. Массовый крестоповал последних дней, случившийся в России, – несомненный отклик на силу украинского искусства.

Но это, конечно, не предел. Совриск знает метафоры более глубокие и преступления более масштабные. 11 сентября как Крушение Вавилонской башни и Беслан как Избиение младенцев – пока непревзойденные шедевры акционизма.

Все это писалось не для циничного вычленения метафор, как решат наивные читатели, и даже не для глума, как сочтут искусенные. А чтобы показать связь между эстетикой акции и преступлением.

И, подражая Антону Долину, поставлю:

Dixi.

29 августа

Аркадий Ипполитов, написавший замечательные «Образы Италии XXI», сейчас работает над книгой «„Тюрьмы“ и власть. Миф Джованни Баттиста Пиранези». Она будет состоять из таких глав:

Глава первая. Папа, Европа и один двадцатилетний молодой человек.

Глава вторая. Рим, Просвещение и брюхи архитекторов.

Глава третья. *Prima parte*: французский либертинаж и римское знаточество.

Глава четвертая. Неаполь и Венеция.

Глава пятая. *Seconda parte*: гротески и каприччи.

Глава шестая. Тюрьма и «Тюрьмы».

Но помимо этого там будет еще и вступление, нулевая глава «„Тюрьмы“ Пиранези в 2012 году». По этому поводу Аркадий прислал мне письмо, в котором просил «сосредоточиться на минутку и представить себе все ассоциации, возникающие при словосочетании „Тюрьмы“ Пиранези, по принципу, я говорю „морковка“ и выдаю: фарфоровая фигурка ЛФЗ кролика, впившегося зубами в морковку, у него рожа хищная, но славная – пятидесятые, время обветшания сталинизма, сказка Гофмана про огородницу Анну, на которой король овощей хочет жениться, она кольцо вокруг морковки на грядке оставила, вроде как и королева, но муж – морковка, морковный сок, яппи, Федор Павлов-Андреевич со своим морковным соком и свежим цветом лица, морковка около явно фальшивой подписи Р. Врил на маленькой картинке на меди, изображающей Христа и Жену Самаритянскую, и рыжий цвет некоей умеренной радости – примерно так, причем именно ассоциативный ряд, даже без выводов».

Вот такое письмо я получил от Ипполитова и прочел его нашему общему другу художнику Николе Самонову, который тут же предложил такой ряд:

Высокие своды, и вообще много воздуха (в отличие от брежневских квартир).

Сумрачные (с перерывом) арки дома (дворца) № 18 по Фонтанке, с прозрачно-чугунными воротами Летнего сада. Как выйдешь – контрастно – ширь Фонтанки с тогда еще совсем узкой (несколько шагов поперек) набережной, всей в сиянии летнего света.

Чернота вестибюля лестницы на Моховой и, сквозь полвека не мытые стекла арочного окна – опять же торжественный летний свет – бархатный (ножной) регистр органа.

Выход на Неву сквозь ворота Львова в Петропавловской. Вообще – хоть на железной дороге – путь сквозь финские граниты проемов (пробоев) мостов и насыпей – но непременно в летний свет; зимой Пиранези не работает.

Случилось худшее. Никола оккупировал Петербург, от которого было уже не отвязаться. И у меня, увы, написалось так. Страшная современная люстра, которая висит над моим столом: на цепях, громоздкая и черная, из дешевого металла, в неовизантийском вкусе к 300-летию дома Романовых; в ней есть что-то утилитарно-величественное и репрессивное. Тюрьма, дарующая свет.

Русские денди 1970–1980-х годов, в которых нет ни свободы, ни воли, зато много фрустрированной элегантности.

Главная ассоциация: Петербург и даже Ленинград, все остальное на самом деле частности, и они могут быть любыми и в любом диапазоне, от арки на Галерной, где цвет небес зелено-бледный, скука, холод и гранит, до моей тети Кати с ее высокой экстатической бедностью (стоптанные башмаки и платье с выглаженным бантом, в руках авоська с мерзлой картошкой) или, наоборот, m-me Курочкиной в штанах и под вуалью.

Теперь меня мучает совесть. Мы с Николой сообща протоптались на крохотном петербургском пяточке, в то время как Ипполитов воспарил от фарфоровой фигурки ЛФЗ к Жене Самаритянской. По этому поводу у меня к вам просьба, друзья. Погуглив в памяти «Тюрьмы»

Пиранези и уйдя, наконец, из вечного Петербурга в наш 2012 год с его вполне себе тюрьмами, помогите создать ассоциативный ряд под статью морковке.

30 августа

Когда я был маленьким, бывшие политические зэки пели комическую блатную песню с комической блатной мечтой – увидеть хоть бы в щелочку эту самую Марсель, где девочки танцуют голыми, где дамы в соболях, лакеи носят вина, а воры носят фрак. Интеллигентные люди, они над этой мечтой, конечно, смеялись. И, конечно, ее разделяли – мечту советского человека о европейской свободе. Что вам сказать о Марселе? Дам в соболях не вижу, воров во фраках тоже. Где тут девочки танцуют голыми, не знаю – по полному равнодушию к этому сюжету. Тех, кто спешит сюда с зажатой в кулаке истиной, вынужден разочаровать: мальчики, танцующие голыми, не интересны мне ровно так же – ни арабы, рассеявшиеся в тумане, ни моряки, рассеявшиеся в нем.

А интересны церкви, церкви, церкви, папский дворец в Авиньоне с фресками Симоне Мартини и Маттео Джованнетти, мрачная безысходная готика, бездонный каменный мешок, где, запутавшись в орнаменте, соловьи поют, и снова церкви, церкви, церкви, и в них опять Симоне Мартини, этот сиенно-авиньонский Рублев. Свобода из интеллигентской советской мечты, та самая европейская свобода – в церквях она есть. И, пожалуй, там она всего нагляднее. Уж поверьте мне, как защитнику Pussy Riot.

2 сентября

Приехал сегодня в Экс-Ан-Прованс на исходе ланча, стал рыскать по городу в поисках заведения, где дают устриц (да, устриц! устриц! и не осуждайте меня, никакой это не разврат, они здесь дешевле картошки). Из 15 обеганных мною впопыхах столовых в трех устриц не оказалось, а в остальных их и не могло значиться, едадьни были итальянские – пробрался позорный гастрономический глобализм даже в аутентичную французскую глубинку: сидят честные, как в триптихе Никола Фромана, провансальцы и едят белую, цвета мыла, пиццу или пасту карбонара, тонущую в сливках. Я с детства предан Италии, любимейшей стране, и крепко знаю, что пицца должна быть пропеченная, а паста карбонара заправляется желтком (сырым желтком, а не сливками!). А то, что во всем мире называется «итальянской кухней», это ужас, летящий во мраке ночи. Везде и всюду, и в Монголии, и в Финляндии, есть надо местное, только местное, и ничего кроме. Национализм, он от живота прет. Помните об этом, дорогие либералы!

2 сентября

Константина Крылова судят по 282-й статье. К Крылову, конечно, можно относиться по-разному, но к 282-й статье по-разному относиться не выходит: она антиконституционная и антиправовая в принципе, она запрещает слова. Крылова судят за то, что на болотном митинге он выступил с речью «Хватит кормить Кавказ!» – не самый магистральный для либералов дискурс, и все же, разве не тошно от того, что родина, как в былые годы, несет дань орде? Хорошо, пусть вам не тошно, а очень даже справедливо, пусть маленький, но гордый кавказский народ героически сражается с имперской держимордой – вы имеете право на эти слова, а Крылов имеет право – на свои. И никак иначе быть не может.

5 сентября

Путин на мотодельтаплане с клювом и в белом халате стал вожаком стаи стерхов, возглавив в небе журавлиный клин. Новость настолько художественно выразительна, что ее никак комментировать невозможно.

7 сентября

Король Людвиг II Баварский (1845–1886) считал себя лебедем, построил замок на лебединой горке, разбил в нем лебединое озеро и, сопровождаемый птицами, плавал в ладье под музыку Вагнера. За ним выплывали миры и мифы – Лоэнгрин, Тангейзер, рыцари Круглого стола и чаша Грааля, Шекспир и Шиллер.

Современная иконография, сахар сиропыч, делает из Людвига девственника, но Висconti в своей великой трагедии отправил его томиться с конюхами; посреди сарая рос германский дуб, с которого гирляндами свисали голые мальчики: король целовал их в живот. Буржуазные министры, объявившие Людвига сумасшедшим, трактовали именно эти обстоятельства – с современной иконографией они не были знакомы.

Низложение Людвига II Баварского стало торжеством прогресса и здравого смысла над последним романтическим монархом, который в век банков, позитивизма и железных дорог вообразил себя Королем-Солнцем. Солнце закатилось, чаша Грааля была разбита.

За прошедшие сто с лишним лет прогресс развился до минимализма, описав странную дугу. Особенно причудливой она вышла в России. Буржуазные министры порознь есть, но вместе они не сила, здравый смысл разбит, как чаша Грааля, пр. культурный мусор аккуратно выметен, даже пыли не осталось, зато ладья сменилась мотодельтапланом, и Король-Солнце во главе стаи высоко взметнул в сияющее небо.

12 сентября

Сошлись вода и камень, лед и пламень. И разумный до уныния Кудрин, и комически безумный Онищенко заявили тут давеча, что надо повышать пенсионный возраст: работать у нас некому. Об этом, впрочем, говорят давно и многие, усердно кивая на Запад, мол, пенсионный возраст повышается везде и всюду, негоже нам отставать от цивилизованного мира.

Проблемы цивилизованного мира понятны: кризис и все такое, но главное не в этом. Главное в том, что продолжительность жизни у них перевалила за 80, и соответственно растянулась пенсионная халява, которая в своей нынешней длине не была предусмотрена.

Почему эта проблема возникла в России, не понятно совсем: среднестатистический мужчина у нас живет 59 лет, то есть до пенсии не доживает. Патриот и государственник, он чувствует ответственность перед Родиной и ровно за год до выхода на пенсию предупредительно отдает концы.

В самое последнее время, правда, продолжительность жизни в России начала драматически расти – значит, настала пора отодвинуть пенсионный возраст, чтобы до него не доживали с гарантией. А халява у нас ведь скромнейшая. Подруга, недавно получившая пенсионный расчет, так изумилась запечатленной в нем цифре, что немедленно прислала смску: «На памперсы хватит, на костыли уже нет».

13 сентября

Выключил вчера телефон ради разных важных и безобразных дел и только к вечеру, включив его, узнал, что завершается 12 сентября – мой День Ангела, перенесение мощей Святого Благоверного князя Александра Невского в Петербургскую Лавру.

Раньше я этот день ждал куда напряженнее, чем день рождения, никогда не любимый, это праздник родителей, они мечтали, они страдали, они были счастливы, при чем здесь ты? – но Ангела никому не отдам, хоть на него претендентов тьма: вокруг все Саши, Шуры и Саньки. А Ангел при этом единственный, ни с кем не разделяемый.

И вот я его забыл. Выкинул из головы, забив ее хренью. Почти пропустил. И пропустил бы вовсе – если б не одна старушка, Божья душа, Тамара Клементьевна из Петербурга, знающая меня с юных лет, – вчера она десять раз звонила и, наконец, дозвонилась.

Тут же представил, как это было. Забытый мною Ангел серчал и гневался, отвернулся, чтобы не видеть, как я копаюсь в разном жизненном мусоре, даже, наверное, сплюнул, но по великой своей любви, по милосердию все, конечно, простил и, заметив, что телефон включен, шепнул старушке: «Позвони еще раз, Клементьевна!»

И Клементьевна позвонила.

14 сентября

Предыстория такова. Маша Гессен, будучи главным редактором журнала «Вокруг света», отказалась посылать корреспондента на путинский полет с журавлями, хотя и получила приглашение. Отказ был ею объяснен в том роде, что Путин с тиграми, амфорами или стерхами это постановка, в которой она не хочет участвовать: правду написать не дадут, а неправда для нее невозможна. После этого Гессен уволили.

Такова предыстория. А история начинается с того, что Путин Гессен позвонил. И предложил встретиться. Эту историю она рассказывает в статье «За неделю до встречи я на Путина наорала», опубликованной сегодня в «Большом городе». Путин в ней внимателен и терпелив, хочет соглашаться и ищет компромиссов. Не говоря уж о том, что предлагает Гессен вернуться в журнал. И вообще он «с готовностью кивнул», «лукаво подмигнул» и по всему описанию был мил и мирен. Она же «наорала» по телефону, при личной встрече выступила строгой госпожой, а после нее осталась непримиримой и само путинское предложение вернуться в журнал, разумеется, отвергла. В статье «Большого города» между собой беседуют два альфа-самца, один из которых – Путин – делает все, чтобы им не казаться, а второй – Гессен – изо всех сил старается именно так и выглядеть.

Лучшей рекламы для Путина невозможно себе представить.

Сбоку от предыстории с историей болтается еще один сюжет, который вчера благополучно разрешился: Гессен стала директором русского отделения радиостанции «Свобода». Но слух об этом возник в фейсбуке одновременно с новостью об ее увольнении. Мол, переговоры велись давно, и сейчас в них поставлена точка. Можно предположить, что, отказываясь лететь со стерхами, Гессен имела на руках предложение, смягчавшее боль от разлуки с журналом «Вокруг света». Администрация президента, конечно, в курсе распространяемых в фейсбуке слухов. Значит, прося Гессен вернуться, Путин мог твердо рассчитывать на отказ.

Маша Гессен – журналистка и правозащитница, известная отстаиванием прав сексуальных меньшинств. В нашей гомофобной стране дело это – святое, но никто не нанес ему столько вреда, сколько Гессен; она не знает оттенков и нюансов, презирает полумеры, не терпит компромиссов, всегда непримирима и ходит только по прямой: ать-два. Она настоящий Скалозуб политкорректности. Кроме того, известно, что она не изменяет себе. Не изменила и на этот

раз: наорала по телефону на Путина, потом пришла на встречу походкою альфа-самца, потом написала про это текст, очевидно, прямой и честный, словом, проследовала по пути, проложенному для нее Администрацией президента: ать-два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.